

Криминальная хроника, Шерлок Холмс, самые разные детективные фильмы и сериалы. Она знала, что отпечатки пальцев уникальны — в целом мире не сыскать двух людей с абсолютно одинаковыми узорами. Она знала, что по отпечаткам можно установить личность человека, связать преступника с местом преступления. Она знала, что отпечатки пальцев — одно из важнейших доказательств в современной криминалистике.

Она также знала, когда именно начали использовать отпечатки.

Точно не сейчас.

Не в эту эпоху.

В 1892 году аргентинская полиция впервые раскрыла преступление с помощью отпечатков пальцев. В 1901 году в Скотленд-Ярде была официально заведена дактилоскопическая картотека. До этого момента пройдут еще десятилетия.

Люди нынешнего времени еще понятия не имеют, на что способны отпечатки пальцев.

Они знают, что на пальцах есть какие-то линии. Возможно, они даже обращали на них внимание. Но они понятия не имеют, что эти линии означают.

Зато она знала.

Она знала, что эти узоры уникальны.

Она знала, что эти линии можно сравнивать.

Она знала, что эти линии могут служить уликой.

—

Мэри медленно подняла руку и поднесла большой палец к самым глазам.

В лучах солнца узоры были видны предельно четко. Окружность за окружностью, словно годовые кольца дерева, словно круги по воде. Раньше она никогда не вглядывалась в них всерьез. Они всегда были здесь — с самого ее рождения они были отпечатаны на ее пальцах. Но она никогда не задумывалась о том, зачем они нужны.

Теперь она задумалась.

Если она прижмет большой палец к какому-нибудь предмету, останется след. Если этим

предметом окажется стакан на месте преступления, нож или дверь — этот след свяжет убийцу с местом происшествия.

А что, если ей написать историю?

Историю о детективе.

Историю о раскрытии преступления с помощью отпечатков пальцев.

Люди этой эпохи никогда не видели ничего подобного. Они будут поражены, заинтригованы, станут допытываться: до чего же додумался этот детектив? Откуда он узнал, что эти узоры уникальны?

А она, Мэри Беннет, будет знать.

Потому что она знает.

Потому что она прибыла из будущего.

И дело вовсе не в плагиате.

Просто ей ведомо то, чего не знают другие.

—

Мэри не спеша выпрямила спину, положила перед собой тот листок бумаги и долго-долго вглядывалась в него.

Отпечаток все еще был там. Черный, отчетливый, каждая линия прорисована до мельчайших деталей. Ее собственный отпечаток. Отпечаток Мэри Беннет. Уникальный. Неповторимый. Никто в мире не сможет его подделать.

В ее голове постепенно оформлялась одна мысль.

Она не может писать о Шерлоке Холмсе. Это уже чужая история: пусть тот человек еще даже не родился, но эти сюжеты принадлежат ему. Она не имеет права красть чужое и выдавать за свое.

Зато она может написать что-то совершенно иное.

Она может создать историю, используя то, чего в нынешнюю эпоху еще не существует.

Отпечатки пальцев.

Люди этого времени еще не ведают, для чего нужны отпечатки. Они не знают, что означают эти узоры, какие тайны они способны поведать, как могут помочь вычислить преступника или смыть клеймо позора с невинного человека.

Но она-то знает.

Она знает, что отпечатки уникальны. Она знает, что их можно сопоставлять. Она знает, что отпечатки могут стать уликой.

То, чего нет в эту эпоху, известно ей.

Историю, которую никто в этом времени написать не в силах, она написать сможет.

Это не плагиат.

Это принадлежит ей самой.

—

Мэри расправила лист бумаги, загнула ту часть, где остался отпечаток, обнажив чистую нижнюю половину.

Она взяла перо и обмакнула его в чернила.

На этот раз кончик пера уверенно опустился на бумагу.

Она вывела первую букву.

Никакого Холмса. Никакого Ватсона. Никакой Бейкер-стрит.

Совершенно новая история. Детектив, какого эта эпоха еще не видела, и метод расследования, прежде ей неведомый.

Имени главного героя она еще не придумала. Но она уже знала, каким он будет человеком: наблюдательным, подмечающим те детали, что упускают из виду остальные, понимающим, что значат эти таинственные линии.

Ключ к разгадке преступления был уже у нее в голове.

Отпечаток пальца.

Оставленный на месте преступления, непонятный никому другому и подвластный для прочтения лишь этому единственному детективу —

отпечаток пальца.

Она писала быстро.

Идеи били ключом, как родник. Убийство. На вид идеальная запертая комната. У всех есть мотив, у каждого — алиби, и все только и ждут, когда детектив окажется в дураках. Они уверены, что это неразрешимое дело, а преступника никогда не поймают.

И тогда детектив обнаруживает тот самый отпечаток.

Не убийцы. Жертвы. Третьего лица. Чей же он?

Мэри писала и размышляла, размышляла и писала.

Она описывала, как детектив находит отпечаток, как переносит его на бумагу, как вглядывается в линии при дневном свете. Как исподволь собирает отпечатки всех подозреваемых, сверяя их один за другим. Как наступает кульминационный момент — когда все улики указывают в неверном направлении, когда все считают детектива заблуждающимся, он достает тот самый отпечаток и прикладывает его рядом с отпечатком убийцы...

Солнечный свет струился из окна, падая на бумагу, на ее руки, на уже высохший темный отпечаток.

Он все еще был там.

Ее собственный отпечаток.

Единственный в своем роде.

Вдруг ей в голову пришла одна мысль.

Если она напишет историю о раскрытии преступления по отпечаткам пальцев, как на это отреагируют окружающие?

Они спросят: неужели это правда? Разве отпечатки действительно могут служить уликой при расследовании? Откуда этой писательнице такое известно?

Наверняка станут сомневаться. Станут насмехаться. Заявят, что она фантазерка, что женщинам чужда логика, а подобные методы расследования — чистой воды выдумка.

Но она-то знала.

Знает, что это правда.

Знает, что спустя десятилетия дактилоскопия станет стандартным методом криминалистики. Знает, что те, кто сейчас смеется над ней, будут посрамлены самой историей.

От этой мысли она невольно улыбнулась.

В тот вечер, лежа в постели, Мэри положила исписанные листки рядом с подушкой.

Написано было немного. Лишь начало, всего пара сцен, да появление того самого отпечатка. У главного героя еще нет имени, убийца не назван, загадка закрытой комнаты не разгадана.

Но и этого достаточно.

Это принадлежит ей.

Не краденое, не содранное чужое, не позаимствованное.

Рожденное в ее собственной голове, написанное ее собственной рукой.

Она вспомнила дневную кляксу чернил и случайно оставленный отпечаток. Не упав тогда эта капля, она бы наверняка продолжала сомневаться. Все еще думала бы о будущих шедеврах, размышляла бы, не заняться ли плагиатом, утешая себя тем, что все равно никто не узнает.

Но чернила упали.

И отпечаток остался.

Словно говоря ей: ты — это ты. Ты не кто-то иной. Ты способна написать то, чего не сможет создать никто другой.

Она перевернулась на другой бок, уткнулась лицом в подушку, и уголки ее губ тронула улыбка.

Это была не улыбка облегчения.

Это была улыбка человека, который наконец-то понял, что именно он должен делать.

Она напишет историю, которая впервые заставит людей этой эпохи осознать: линии на кончиках пальцев способны говорить.

На следующее утро мистер Беннет обнаружил, что Мэри снова сидит в библиотеке.

Само по себе это не было удивительным. Удивительно было то, что она не читала книгу, а писала.

Причем писала с невероятным усердием. Гусиное перо шуршало по бумаге, голова ее была низко опущена, едва ли не касаясь листа. Время от времени она замирала, глядя куда-то перед собой в задумчивости, а затем продолжала писать.

— Что ты пишешь? — спросил он.

Мэри подняла голову и взглянула на него.

— Историю, — ответила она.

Мистер Беннет не стал расспрашивать дальше. Он подошел к своему письменному столу, взял книгу и сел.

Но удержаться и снова бросить взгляд на Мэри он не смог.

Она писала быстро. Кончик пера шуршал по бумаге, словно она спешила выплеснуть наружу то, что переполняло ее разум. На ее лице застыло выражение, какого он раньше никогда у нее не видел. Никакой привычной мрачности или отрешенности, вызывающей лишь тревогу. Это было выражение... сосредоточенности? Вдохновения? Он не мог подобрать точного слова.

И вдруг он вспомнил слова, сказанные ему мисс Уилсон несколько лет назад:

— Третья мисс — ребенок неожиданный.

Неожиданный ребенок.

Возможно.

Мистер Беннет опустил глаза и продолжил чтение.

За окном ноябрьское солнце заливало комнату светом, падая на плечи Мэри, на исписанный лист бумаги, на руку, сжимавшую перо.

На большом пальце этой руки все еще чернело крошечное чернильное пятнышко.

—

В тот день после полудня заглядывала Джейн.

Она постояла в дверях, наблюдая со спины за пишущей Мэри, помедлила немного и тихонько удалилась.

Элизабет тоже заглядывала на минуту. Она подошла к Мэри со спины, бросила взгляд на усыпанный плотным текстом лист, приподняла брови, но ничего не сказала и вышла.

Китти и Лидия пронеслись мимо двери, заглянули внутрь, но Мэри даже не подняла головы и лишь цыкнула на них, заставив испуганно убежать.

Мэри не замечала никого вокруг.

Она была полностью погружена в тот мир. Мир, полный убийств, детективов и отпечатков пальцев. Персонажи беседовали в ее голове, совершали поступки прямо перед ее глазами. Она лишь запечатлевала их на бумаге, записывала их слова, превращая образы в слова.

Как же назвать этого детектива?

Поразмыслив немного, она вывела имя.

Не Холмс. Не Пуаро. Не мисс Марпл.

Совсем другое имя.

Ее собственное имя.

Нет, не ее собственное. Имя сыщика. Но в нем таилась крошечная частичка ее отражения.

Выводя это имя на бумаге, она не удержалась от улыбки.

— — — —

Тем же ночью, лежа в постели, Мэри вдруг вспомнила кое о чем.

Куда она положила те исписанные листки?

Она приподнялась и в лунном свете окинула взглядом комнату — возле подушки, в полном порядке, лежали ее бумаги.

Она легла обратно, и тут ей в голову пришла другая мысль.

Строки на тех листах написала она сама. Эти истории сочинила она. Эти мысли принадлежали ей.

Она не Уоллстоункрафт. Она не Конан Дойл. Она — никто из них.

Она — Мэри Беннет.

Третья дочь. Ничем не примечательная внешне. Та, что любит читать. Та, от которой закатывают глаза.

И в то же время — та самая, что пишет детективную историю. Глава 12. Франсис Уоллстоун

Выводя это имя на бумаге, Мэри на секунду занесла руку.

Франсис Уоллстоун.

Франсис Уоллстоун.

Она долго вглядывалась в эти буквы. Франсис — привычное для той эпохи женское имя, имя свободолюбивой женщины. Уоллстоун — заимствованное из фамилии Уоллстоункрафт, скрытая дань уважения, понятная только ей одной.

Это имя она подарит женщине-детективу.

Женщине-детективу, которой в эту эпоху просто не должно существовать.

Прежде чем продолжить повествование, она набросок за наброском создала краткую биографию своей героини.

Франсис Уоллстоун родилась в 1785 году в графстве Суррей в семье бедного пастора, ее мать умерла рано. С малых лет она читала книги вместе с отцом, не училась в школе, не бывала на балах, не имела приличных платьев и никакого приданого.

После смерти отца она в одиночку отправилась в Лондон, сняла крошечную мансарду и зарабатывала на жизнь перепиской документов.

Как же она стала детективом?

Подумав немного, Мэри записала следующие строки:

Франсис Уоллстоун стала сыщиком не по своей воле. Когда ей исполнилось тридцать, в доме, где она снимала квартиру, произошло убийство. Прибыла полиция, допросила жильцов и увела сына хозяина дома. Стоя на лестничной площадке и глядя, как уводят молодого человека, Франсис вдруг произнесла: Это не он. Полицейские обернулись и потребовали объяснить, откуда ей знать. Она ответила: На подоконнике остались следы от ног двоих людей. Когда убийца убегал, шаг был широким, следы глубокими — он бежал. А у этого юноши при беге волочится правая нога, потому что в детстве он сломал ее. На отпечатках на подоконнике нет следов волочения.

Полиция отпустила молодого человека. Позднее преступление было раскрыто, истинным убийцей оказался другой человек. С тех пор к ней стали обращаться за помощью — те, у кого что-то пропало, кому угрожали, кто чувствовал неладное, но не мог выразить это словами. Она никогда не бралась за дела сама и не принимала платы, лишь слушала, наблюдала и изредка произносила пару фраз.

И эти фразы всегда оказывались верными.

Закончив этот абзац, Мэри отложила перо и окинула взглядом написанное.

Вот она, Франсис Уоллстоун. Незаметная женщина, обитающая в ничем не примечательной мансарде и занимающаяся незаметными делами. Никто не воспринимает ее всерьез. Никто не видит в ней ничего особенного.

Но она способна разглядеть то, чего не замечают остальные.

Теперь ей предстояло придумать дело.

Дело, которое впервые заставит людей узнать об отпечатках пальцев.

Мэри закрыла глаза, мысленно перебирая детективные сюжеты из прошлой жизни. Копировать нельзя — нужно придумать все самой. Но структуру можно позаимствовать: запертая комната, круг подозреваемых, неразрешимая с виду загадка.

Она открыла глаза и принялась за работу.

Записки о расследованиях Франсис Уоллстоун. Том первый

Мансардный отпечаток

В ноябре 1817 года в Лондоне выдался на редкость морозный, ледяной дождь.

Укутавшись в потертую по краям шерстяную шаль, Франсис Уоллстоун сидела у мансардного окна, глядя на покрытые ледяной коркой лужи на улице. Рядом с ней стояла чашка остывшего чая и пачка только что переписанной рукописи.

Когда раздался стук в дверь, она подумала, что это мальчик-разносчик угля.

На пороге стояла благопридежно одетая молодая женщина в плотной накидке, с низко надвинутыми на лицо полями шляпки. Голос ее дрожал:

— Мисс Уоллстоун?

— Это я.

— Говорят, вы... вы умеете видеть то, чего не замечают другие.

Франсис не стала отвечать, лишь молча шагнула в сторону, пропуская гостью.

Войдя в комнату, молодая женщина сняла шляпку, обнажив бледное лицо. Ей было около двадцати пяти, глаза покраснели и опухли от долгих слез.

— Меня зовут Эмили Грей, — произнесла она. — Мой муж мертв. Три дня назад. Говорят, это был несчастный случай, но я знаю, что это не так.

Франсис налила ей чашку чая.

Миссис Грей приняла чашку, ее пальцы сильно дрожали, и несколько капель пролилось на стол.

— Он упал с лестницы, — заговорила она. — В тот вечер он выпил, спускался со второго этажа, оступился и сломал шею. Я нашла его на следующее утро. Коронер постановил, что это несчастный случай. Все вокруг твердят то же самое.

— А вы считаете иначе?

— Иначе. — Миссис Грей подняла на нее глаза. — В тот вечер я не слышала, как он спускался. Он был пьян и всегда ходил очень тяжело. Как бы крепко я ни спала, я бы услышала. Но в ту ночь не было ни звука.

Франсис немного помолчала.

— Было что-то еще?

Поколебавшись секунду, миссис Грей достала из-под накидки небольшой матерчатый узелок и положила его на стол.

— Это нашли в его кармане. — Она развернула ткань: внутри лежал небольшой грязный лоскут с неровно разорванными краями. — Это не его вещь. И не из нашего дома. Понятия не имею, что это такое.

Франсис подняла лоскут, подошла к окну и некоторое время разглядывала его на свету.

Ткань оказалась темно-серой, грубого сукна, напоминавшей форменную одежду какого-то слуги. Разрывы по краям были свежими, ткань не выглядевшей застиранной.

Она положила лоскут обратно.

— Я могу взглянуть на все на месте?

Особняк семьи Грей располагался в Вест-Энде Лондона — трехэтажное старинное здание из серого кирпича с белыми окнами и тремя каменными ступенями перед парадным входом. Франсис остановилась на крыльце, подняв взгляд на запертую дверь.

Миссис Грей провела ее внутрь.

Лестница уходила вверх в самом конце прихожей: массивная дубовая, крутая и узкая. Франсис поднималась ступенька за ступенькой, очень медленно, останавливаясь на каждой и внимательно осматривая дерево.

На девятой ступеньке она присела на корточки.

— Вот здесь.

Миссис Грей наклонилась ближе. Ничего особенного.

Франсис указала на дощечку под поручнем лестницы:

— Эту часть протирали.

Дерево здесь было чуть светлее, чем вокруг, словно его только что вымыли. На соседних же ступенях лежал тонкий слой пыли — очевидно, уборку здесь не делали уже несколько дней.

— Кому понадобилось протирать именно это место? — спросила Франсис.

Миссис Грей покачала головой.

Франсис продолжила подниматься.

Дойдя до тринадцатой ступеньки, она снова присела. На этот раз она достала из свертка с лоскуткой ту самую тряпицу, что принесла миссис Грей, и приложила ее к незаметному уголку на краю ступени.

Форма обрыва лоскута идеально совпала с крошечным пучком волокон, оставшихся в углу.

— Отсюда кто-то сорвал кусок ткани, — произнесла Франсис.

Миссис Грей испуганно прикрыла рот рукой.

Франсис поднялась, постояла некоторое время на лестнице, переводя взгляд с вымытого участка на совпавший с лоскутком угол, а затем на поворот в конце лестничного пролета.

— В ту ночь, — спросила она, — в доме были гости?

— Нет.

— А слуги?

— Кухарка и служанка жили внизу. Управляющий занимал небольшую комнату в задней части дома.

— Они что-нибудь слышали?

— Кухарка уверяет, что спала крепко и ничего не слышала. А управляющий... сказал, что слышал глухой стук, но подумал, будто наверху что-то упало.

Франсис кивнула, воздержавшись от комментариев.

Она подошла к концу лестницы и толкнула дверь на втором этаже. Перед ней лежал длинный коридор с рядами закрытых дверей по обеим сторонам. Миссис Грей пояснила, что их с мужем спальня находится в самом конце коридора, гостевая — в противоположном крыле, а комната управляющего — внизу, в задней половине дома.

В спальню Франсис заходить не стала. Остановившись в коридоре, она некоторое время внимательно разглядывала доски пола, картины на стенах и оконные проемы.

Затем она толкнула одну из дверей посередине коридора.

Это была пустая гостевая комната. Кровать без постельного белья, ни единого предмета на столе, в камине — ни следа пепла. Зато на подоконнике обнаружился едва заметный след.

Франсис подошла ближе, склонилась над ним и всмотрелась самым внимательным образом.

Это была лишь половина следа. Не полный отпечаток подошвы, а лишь его передняя часть, мысок. Совсем нечеткий, едва различимый — если бы не потревоженный тонкий слой пыли на подоконнике, его вообще невозможно было бы заметить.

Она долго и неотрывно глядела на этот отпечаток.

Затем она достала тот самый листок бумаги — тот самый, на котором в своем кабинете оставила отпечаток собственного пальца — и бережно приложила его к подоконнику рядом со следом. Ее рука легко надела на бумагу.

Когда она подняла лист, на нем четко отпечатался след.

Но не след ноги.

Отпечаток пальца.

Отпечатки всех пяти пальцев проявились с поразительной четкостью, были видны мельчайшие завитки узоров. След остался от чьей-то руки, упершейся в подоконник.

Она выпрямилась, аккуратно сложила бумагу и спрятала за пазуху.

<http://bllate.org/book/22034/2290816>